

О польском фильме „Pokłosie“ («Колоски»)

Date: 2013-11-04 0:26 GMT+01:00

Subject: Fw: Aftermath/Стерня/.

To:

[Alexandra Sviridova](#)

1 ноября 2013 на экраны Нью-Йорка выходит грандиозный польский фильм AFTERMATH о том, как в годы войны в польской деревне католики перебили всех евреев, и списали преступление на немцев. Сегодняшние не очень молодые люди - второе поколение - расследуют, что же произошло на самом деле и натываются на неожиданные подробности... Я старательно подбирала слова, делая текст о фильме. А напечатать негде. Попробую прикрепить тут весь целиком, но не знаю, что получится...“Aftermath”

Что следует иметь в виду, просматривая фильм. Такое случается редко, когда я говорю сыну и близким: брось все, и посмотри этот фильм.

Поляки сняли невероятный фильм, название которого все будут переводить, кто во что горазд. «Последствия» - напрашивается первым, но я перевожу «Стерня».

Имею право: авторы оставили мне много намеков на то, что это может быть так.

Я помню, как это больно – идти по стерне. Это гвозди, сделанные из соломы – плотной и прочной, у основания стебля. Они неизбежно остаются после любой жатвы – серпом ли жал, махал косой или прошелся по полю комбайном. Грубая золотая щетина покрывает лицо земли, если смотреть издали, а если ступать босиком – идешь по гвоздям. До крови.

И если душа у тебя от чего-то уходит в пятки, то стерня – через пятку – втыкается прямо в душу.

Но чтобы получить стерню, следует что-то посеять, а потом сжать урожай. В этом месте название отсылает к вечному - «Что посеешь – то и пожнешь». С одной разницей: сеяли отцы, а пойдут по стерне их дети.

Сюжет прост до неприличия. Целиком почерпнут из жизни, но упрощен.

В жизни было так: 10 июля 1941 года половина жителей польского городка Едвабне, что в 85 милях от Варшавы уничтожила вторую половину. Убийцы, во главе с мэром, были католиками.

Их жертвы – одна тысяча шестьсот душ – евреями. Поляки убивали их несколько часов в короткой июльской ночи. Руками.

Вооружившись чем попало – ножами, топорами, молотками. У кого были ружья - стреляли.

Те, кто уцелел в мясорубке, спрятались в амбаре неподалеку, но ненадолго: амбар подожгли и недобитые евреи сгорели заживо.

После победы погибшим поставили памятник – как павшим от рук нацистов.

И пол-века жители Едвабне ходили мимо памятной таблички, прекрасно зная правду, но никто и словом не обмолвился.

Страшный секрет Едвабне предал огласке в книге «Соседи» мой добрый знакомый поляк - историк Принстона - Ян Гросс. Книга вышла в начале нового века и вызвала шквал протестов. Не было поляка-патриота, кто не плюнул в автора. Но нашлись и другие поляки, - те, кто задумался над историей Едвабне.

В 2004 известный режиссер Владислав Пасиковский принес независимому продюсеру, некогда бывшему режиссером, Дариушу Яблонскому сценарий...

Описывать, как никто не давал деньги на «антипольский» фильм не буду, но семь лет спустя деньги все же собрали фильм сняли. И теперь Польша бурлит – после выхода фильма осенью 2012-го года в ряде городов фильм запрещен к показу, как анти-польская пропаганда, и нет кинотеатра, который бы согласился дать хоть один просмотр.

Режиссеру поступают угрозы, а исполнителя главной роли – Матея Штура - поляка, сыгравшего поляка, - атакуют антисемиты в прессе, а по телефону и в интернете обещают убить.

Говорят, что он занесен в черный список национальной киноакадемии – чтоб не снимал его больше никто.

Такое вот кино.

Премьера в Америке – 1 ноября в Нью-Йорке, а чуть погодя – в Лос-Анжелесе. Бросьте все – идите и смотрите. Это не про Польшу, не про поляков, и не про Едвабне, хотя в кадре Польша.

Это про убийство людей людьми. Соседей – соседями.

«Я знаю такие деревни, я знаю таких людей», - во множественном числе ответил Дариуш Яблонский на обвинения в поклепе на поляков.

В фильме все много проще. Массовое убийство уведено за кадр, а в кадре всего два человека, два брата. Один прилетел из Америки повидать другого, живущего в отцовском доме на хуторе.

Подтянутый чисто выбритый мужчина лет сорока с небольшим с легкой кожаной сумкой прибывает в некий город в Польше. Его никто не встречает. Он садится в такси и только таксисту скажет, что 20 лет, как уехал, живет в Чикаго. Уточнит, что уехал в первую стычку властей с «Солидарностью».

Так устанавливается время: уехал в 1981-ом, приехал – в 2001-ом.

Машина в сумерках тормозит у тропинки в поле – дальше пешком до дому. Меж сжатых полей, покрытых той самой колочей щеткой стерни. Хрустнет ветка в жидком кустарнике, разделяющем луг на «твое-мое» и Франтишек – так зовут мужчину – поставит сумку на свою стерню и бесстрашно ринется по своей земле в кусты: - Эй, кто там?

Нет никого. Только сумка исчезла. Значит, был кто-то... Кто?

Он войдет в старый дом налегке – даже без сумки. Встретит его хмурый младший брат Юзеф, грязный после рабочего дня в поле. И только погаснет свет, как со звоном разлетится оконное стекло от брошенного с улицы камня... Такое начало.

Из скудных реплик выяснится, что младший старшему многого не прощает, хоть и помнит его не очень хорошо. Был брат – и не стало, сбежал, оставил семью и даже на похороны отца и матери не приехал. Жалкие оправдания эмигранта, что паспорта не было, для Юзека пустое.

- Ты им это расскажи.

- Они уже не живые.

- Для тебя, - отрежет брат с укором.

Так авторы обозначат, что для младшего ушедшие – живы. Это важная точка противостояния.

Дальше – больше: из незначительных реплик откроется, что от Юзека ушла жена, уехала с ребенком в Америку и там рассказала старшему, что младший сошел с ума и она не может жить с ним в аду, который он устроил. И медленно приоткрывается ад.

Франтишек пойдет по центру села, а ему со всех сторон станут нашептывать, чтоб забрал брата с собой в Америку.

Его узнают, а он – никого. Все помнят отца, укоряют, что хоронить не приехал... И объясняют, что младший – мерзавец: сломал единственную хорошую дорогу в селе. Зачем – не понятно.

Подтянутый строгий старший решительно идет в банк – просить ссуду на то, чтоб починить полуразрушенный дом, а ему скажут, что дом вовсе не его... Что отец его незаконно землей завладел. И старший почувствует, что все тут сошли с ума.

А младший поведет его в чисто поле – на отцову землю и покажет свое богатство: стоят на стерне рядами надгробные плиты евреев... Со старинными надписями, с магендовидами...

Именно этими камнями была выслана в селе единственная хорошая дорога. Нынче ее решено асфальтировать. И не останется следа от людей, что когда-то лежали под этими камнями...

И это только пол-дела, так как из ничейной дороги Юзек камни просто выворотил и увез, а много камней разбросано по частным подворьям. И он их выкупает у односельчан...

Франтишек подсчитывает убыток: 700 тысяч злотых за триста надгробий.

- Да это ж жиды! – взрывается старший.

- Люди, - поправляет его младший.

И говорит, что знает, что деревня считает, что он свихнулся. Но это пустяк. Обидно, что жена была на их стороне.

- Особенно когда я начал камни эти покупать... Что ж – лучше красть? – недоуменно спрашивает Юзек. И перечисляет, где еще остались камни, которые нужно перетащить сюда - на свою землю...

Он склоняется к камню, любовно погладив его, и читает на хибру надпись.

- Откуда? – дивится старший.

- Выучил, - пожимает младший плечом. – Узнать хотел, что написано...

И объясняет, что он не безумец, а просто...

- Немцы сожгли синагогу и уничтожили кладбище. Это я не могу поправить – я даже не родился тогда еще. Выстелили дорогу надгробьями, и я об этом не знал. Но когда сказали, что дорогу покроют асфальтом, я понял, что этого не должно быть.

- Но почему? У нас с жидками ничего общего! – взрывается старший.
- Не знаю, - честно отвечает Юзек. – Я плохо себя чувствую, когда думаю о том, что это неправильно и я ничего не делаю. А если кто возьмет надгробье наших родителей и положит у своего порога, чтоб вытирала ноги?
- Но эти люди нам никто! Они не наши! И вообще умерли сто лет назад, а твоя семья жива, и почему она должна страдать от того, что ты заботишься о мертвых жидках?! – кричит Франтишек.
- Я знаю, что это неправильно, но я должен делать это. Я не могу иначе...

Невероятная сцена.

Прекрасный молодой актер Матей Штур играет сомнамбулу – героя, который ведом неведомой силой. И старший – Ирениуш Чоп – отшатнется. От протеста, непонимания, отчаяния, невозможности что-либо изменить. Единственный правильный выбор для него теперь – встать на сторону брата и помочь ему дособрать оставшиеся камни...

- Почему из всех людей ты выбрал заботиться о мертвецах? – только и спросит он.

- Не знаю. У них не осталось живых, кто бы заботился об их могилах...

Братья пойдут за очередным камнем. Село выйдет против них. И спасет их старый ксендз, который встанет между братьями и разгневанными селянами. Отдаст камень, что подле костела, а потом замертво упадет в своей светелке. Успев сказать старшему, что он полагает, что Юзек исполняет Божью волю.

- Я думаю сказать об этом на службе... – будут его последние слова.

Старший роется в архиве, чтобы найти документы на усадьбу отца, а находит имена настоящих владельцев – и все они совпадают с именами на надгробьях.

- Значит, они взяли себе польскую землю у убитых евреев, - потрясен Франтишек.

- А что вы хотели? Немцы не могли забрать землю с собой, - парирует архивист.

А в доме тем часом все перевернуто, изрисовано магеновидами, исписано вечным словом «жид» по стенам.

- И собаку убили, - добавляет растерзанный младший.

- Застрелили? – неизвестно зачем, уточняет Франтишек.

- Тут тебе не Америка, - язвит Юзек. – ОТРУБИЛИ голову.

Процесс накопления деталей и подробностей противостояния достигает апогея.

Мир фильма окончательно обретает полюса добра и зла. Братья становятся страдальцами, остальные – чудовища, не пощадившие невинную добрую псину. Тут-то и выплывает неожиданный вопрос, куда делись сами евреи?

Ветер и шепоты приносят ответ, что тут они и остались... И старики знают, где. Роняют слова, намеки. И, наконец, советуют братьям поискать... у себя в старом доме.

Страшный момент.

Братья идут в старый отцовский дом где-то на отшибе, куда выбирались в детстве, как на дачу.

Берут лопаты и начинают копать... В черную грозовую ночь в плотной стене библейского дождя они стоят по пояс в яме, похожей на могилу и натываются на черепа...

Великая сцена. Младший бьется в истерику и блюет, а старший упорно продолжает копать и истово выкрикивать слова молитвы...

На утро братья выбирают самого злобного и отвратного Деда Малиновского, два сына которого с лицами убийц противостоят им в каждой стычке, и идут к нему – требовать объяснений.

- Я не убивал, - говорит Дед. – Закопай их обратно. Им все равно, где лежать.

- Но их детям... – возражает Юзек.

- Нет у них детей – они вместе с ними лежат.

- Это ты их поджег!

- Я? Сто двадцать человек убил я один? Нет! – кричит старик. – Правды хочешь? Это ваш отец зажег свой дом с двух сторон.

- Врешь! – орет Юзек, как раненый зверь. – Сдохни! – и бросается на старика.

- Ну, убей. И кто тогда убийца – я или ты?! – не дрогнув, орет старик в ответ. – Твой отец их убил.

А Хаське голову раскрыл на дороге. Она до войны ему нравилась, но к себе не подпускала. Он схватил ее за волосы и бил головой об землю, а она кричала «мама, мама»... Эту правду ты хотел узнать, выблядок?..

Дышать в этом месте нечем.

Братья приходят в свой разоренный дом, моются после страшной ночи.

- Что будем делать? – спрашивает Юзек.

- А что тут поделаешь? Похороним их на кладбище, - кивает Франтишек на поле, уставленное надгробьями.

- Нет, - твердо и решительно возражает Юзек. – Если мы начнем перетаскивать кости, тут-то все и

откроется.

Он больше не сомнамбула. Он очнулся, он трезв и решителен: тайну нужно хранить.

- Мы зароем их там, где нашли. Никто не узнает.

- Но мы знаем! – потрясенно возражает Франтишек. – Наш мир – говно, и мы не можем сделать его лучше, но мы можем не делать хуже. Наша семья уже натворила дьявольщины...

- Хватит, - обрывает брат брата. - Вали в свою Америку! Ты мне не брат!..

Словесная перепалка перерастает в драку, где мирный холодный Франтишек хватается за топор.

Тот самый, которым уже отрубили голову любимой собаке. Он замирает, бросает топор, хватается за пиджак и бежит прочь со двора. Младший умывает в шайке лицо. Слышит сзади шаги... Улыбается виновато и успевает сказать: - Я знал...

«... что ты вернешься» - хочется добавить.

Но – увы – никто не вернулся...

Франтишек стоит на автобусной остановке. Подходит автобус, он запрыгивает в него и едва успевает отъехать, как легковушка соседней загоразивает ему дорогу...

Его снимают с автобуса и везут назад. Юзек мертв – прибит гвоздями в позе Христа на дверях амбара.

- Он повесился, как Иуда, - говорит молодой ксендз-антисемит, отводя тему убийства в сторону – по традиции этой деревни.

- Конец. -

Фильм невероятный.

При том, что нет в фильме прорыва в собственно кинематографическом поле. Нет ни одного незабываемого плана, ни одного новаторского режиссерского решения, ни одной захватывающей операторской точки, откуда открывались бы бескрайние поля и луга. Ни одного ОБРАЗА, в который бы выкристаллизовалась реальность. Напротив – есть расщепление всех стандартных ходов и приемов, свойственных послевоенному кино, работающему с темой войны.

Каждый кадр претендует только на реалистичность – даже когда в полной темноте в черной жиже братья копают подпол собственного дома, стоя по грудь в яме, словно в могиле, покуда не наткнутся на черепа и яма действительно становится могилой.

Могилой, в которой погребены евреи, могилой, в которой покоится общая грязная тайна всего села.

Могилой, которую своими руками вырыл их отец – убийца.

Юзек с черепом в руке неожиданно рифмуется с принцем датским, но рифма ломается, как Гамлет с нежностью обращается к пустым глазницам: - Мой бедный Йорик! – а Юзек кричит от ужаса и отвращения.

Первая реакция – после ужаса – пугает: впервые в жизни, перекрикивая все свое сиротство, я внятно произношу: какое счастье, что у меня в семье всех убили! Какое счастье, что я из семьи убитых, а не убийц! Третьего, оказывается, не дано в этом «танго смерти», где кружатся, - неразрывны и неслиянны, - прижатые друг к другу жертва и палач, еврей и антисемит.

Вторая – чуть погодя, - особая. Рациональная: зависть к полякам, которым удалось прорваться на другой уровень сознания, о-сознания, о-сознавания собственной истории – государственной, личной. Объясню, почему.

Двадцатый век ознаменован на самом деле одним по-настоящему важным для всех живущих на шаре событием: на Запад пришел Восток. И Восток принес много новых слов и понятий, с которыми мы за сто лет уже обжились, не очень проникаясь их недюжинным смыслом.

Восток научил нас знать, что смерти нет, а есть бесконечная цепь рождений, воплощений в другом теле, с другим именем, но со все той же СВОЕЙ судьбой. Со своей КАРМОЙ. Кармой, которая работает по единственному закону: «Что посеял – то и пожнешь». И если искровянил ноги, ступая по своей земле, то так и должно быть: идешь по своей стерне. И пока не искупишь то, что сотворил, не будет тебе другой стерни, другой земли и другой судьбы. Сколько ни рождайся – даже смерть не даст избавления.

Завидую полякам, дожившим до этого дня – когда ТАКОЕ довелось им снять. Это грандиозный прорыв на другой уровень сознания. И то, что страна от фильма встает на дыбы – лишнее свидетельство того, что авторы попали в точку.

И польского поляка актера Штура угрожают убить за роль польского поляка! Это оно и есть – о чем в фильме кричит Дед Малиновский: «Убей. И будешь ТЫ убийца».

Тяжкий труд предстоит полякам – принять эту картину, принять правду о том, что отцы и деды – убийцы. Перебили «жидков», поселились в их домах, на их земле, присыпав их обгорелые кости землей,

вымостив дороги плитами их кладбищ, и вырастили своих детей на этих костях и плитах. А тонкокожие дети услышали... К ним достучался пепел «жидков».

Принять, что отцы – убийцы – это только начало. Главное отмолить грех отцов, покаяться, выпросить прощения и сделать следующий шаг - следить за тем, чтобы не повторить то, что сделали отцы. И история сдвинется с мертвого круга, по которому идет веками и, глядишь, пойдет другим путем.

Тяжкий труд души – взять вину на себя, а не отрекаться – «это сделал не я». Именно эта особенность поднимает польскую драму на уровень древнегреческой трагедии. Туда, где царь Эдип на собственный строгий вопрос «Кто убил царя», отвечает «Я» и выкалывает себе глаза в отчаянии. Так карая себя и вбивая в мировую культуру фундаментальный символ внутреннего прозрения. Ибо нечего видеть и искать во вне. Все – внутри тебя.

Дожить до того дня, когда Россия развернется на себя – не с моим счастьем.

Обсуждать символику убийства Юзека через распинание его на деревянной створе амбара не берусь. Не очень понимаю, почему так поступили ненавидящие его соседи-католики. Почему убили – понятно. Не понимаю, почему ТАК. Он не становится от этого ни Христом, взявшим на себя грехи всех, ни искупительной жертвой. Остается еще одним трупом на совести земляков-убийц. Только уже поляком, а не евреем. И убивает его не представитель отцов, а кто-то из поколения детей. Кончили убивать чужих – перешли на своих. Хотя, какой он им СВОЙ, если раскопал тайну, которую они взялись хранить?

Сколько фильм продержится в прокате – зависит только от нас: пойдём смотреть – будут сборы – будет он на афише. Не пойдём – исчезнет через три-четыре дня. Как было не раз с прекрасными фильмами, которые американцам не по зубам.

Как поведут себя польские националисты, живущие в Америке, увы, предсказуемо.

Фильм удостоен первых наград:

- Приза Яд Вашем на Иерусалимском кинофестивале и
- Приза Критиков на фестивале в Гдыне.

AFTERMATH will open at Lincoln Plaza and Cinema Village in New York on November 1st, and in Los Angeles at The Royal, Playhouse 7 and Town Center on November 15. A national release will follow.

Худ фильм «Колоски» <http://kinokrad.co/3872-koloski-2013-onlayn-film.html>

Рецензия <http://vaadua.org/news/1-noyabrya-2013-g-na-ekrany-nyu-yorka-vyhodit-polskiy-film-aftermath-o-tom-kak-v-gody-voyny-v>

Отзывы <https://my-hit.org/film/24304/>